

Пяткин С. Н. Сергей Есенин в творческом сознании Игоря-Северянина / С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 183—197.

УДК 82.09

Сергей Есенин в творческом сознании Игоря-Северянина*

© Пяткин Сергей Николаевич (2015), доктор филологических наук, профессор, директор, Арзамасский филиал, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамас, Россия), nikolas_pyat@mail.ru.

В статье дается первый опыт изучения литературно-творческих взаимосвязей двух знаковых поэтов Серебряного века русской культуры — Игоря-Северянина и Сергея Есенина. Особый акцент делается на анализе разнокачественных оценок, которые присутствуют в поэзии и эпистолярии Игоря-Северянина, а также воспоминаниях современников и характеризуют противоречивое отношение «короля поэтов» к Есенину и его творчеству. При анализе сонета «Есенин», входящем в книгу «Медальоны», указывается на восприятие Северяниным Есенина в качестве мифологической фигуры, связующей своей судьбой поэта евангельское предание и современность. Пристальное внимание обращено в статье и на резко критическое суждение Северянина о Есенине, сделанное в частном письме, и его возможном мемуарном контексте. Высказываются сомнения в достоверности фактов мемуарного текста Ю. Шумакова, в котором присутствует высокая оценка есенинской поэзии, якобы принадлежащая Игорю-Северянину. Утверждается, что противоречивое отношение «короля поэтов» к Есенину связано со скептическим отношением автора «Медальонов» к художественной эстетике народнопозитивской традиции в национальной словесности, что, вместе с тем, не исключает оценку Северяниным творческой личности Есенина как выдающегося деятеля русской литературы.

Ключевые слова: Игорь-Северянин; Есенин; Шумаков; сонет; мемуары; эпистолярный; творческая биография; оценка; миф.

1. Предварительные заметки к теме

Игорь-Северянин в литературном окружении Сергея Есенина — фигура неоднозначная, что в первую очередь, наверное, подчеркивает тот факт, что лично эти поэты не были знакомы. Хотя некоторое время они публиковались в одном московском журнале («Млечный путь»), вместе участвовали в творческих вечерах, правда, в разных ипостасях: один — Северянин — в качестве чтеца, исполнителя, другой — Есенин — зрителя, слушателя [Летопись..., 2003, с. 199, с. 214, с. 216]. Выяснение и объяснение причин несостоявшегося знакомства вполне может стать отдельной темой полезного для литературоведения исследования. Мы же — быть может, в его предварение — только обратим внимание на то что, в литературе предреволюционной поры и Северянин, и Есенин стоят особняком. А знаменатель этой единой для них особенности — поэтическая слава. Причем если в грозное революционное время Северянин,

* Используется вариант написания имени, которому отдавал предпочтение поэт.

даже став «королем поэтов», теряет свою исключительную популярность как поэт, то Есенин, кажется, только начинает подходить к ее пику. Да и само качество такого поэтического прорыва у Есенина было принципиально иным. Он, входя в большую литературу и рискуя впасть в соблазн скоротечного, но оглушительного успеха, словно бы сердцем услышал мудрое наставление Николая Клюева: «...Мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем... Особенно я боюсь за тебя: ты, как куст лесной щипицы, который чем больше шумит, тем больше осыпается. Твоими рыхлыми драченами объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском... Быть в траве зеленым, а на камне серым — вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть. Знай, свет мой, что лавры Игоря Северянина никогда не дадут нам удовлетворения и радости твердой, между тем как любой петроградский поэт чувствует себя божеством, если ему похлопают в ладоши в какой-нибудь “Бродячей собаке”, где хлопали без конца и мне и где я чувствовал себя наименее счастливым существом... Так что радоваться тому, что мы этой публике заменили на какие-нибудь *полчаса* дозу морфия — нам должно быть горько и для нас унижительно» [Клюев, 2003, с. 236—237].

В продолжение клюевского письма, датированного августом 1915 года, приведем еще одну цитату. Максимилиан Волошин, никогда не симпатизировавший ни Северянину, ни Есенину, оставил одно весьма важное для начатого нами разговора свидетельство. Составляя во второй половине 1916 года развернутый план статьи «Голоса поэтов», он запишет: «*Северянин*. Теноровые фиоритуры и томные ариозо, переходящие в лакейский пафос смердяковских романсов, перед которыми не могло устоять ни одно сердце российской модистки». <...> *Клюев. Есенин*. Деланно-залихватское треньканье на балалайке, игра на гармошке и подлинно русские захватывающие голоса» [Волошин, 2008, с. 761—762].

М. Волошин, как мы видим, давая острословную, емкую оценку Северянину и Клюеву с Есениным, вначале обращает внимание на игровое, актерское начало в поэтах, объединяющее их. А затем уже расставляет различительные акценты, характеризуя и эстетическую глубину, и в определенной мере творческие потенции поэтов. По Волошину, получается, что для Северянина актерствование становится содержанием его поэзии, а в случае с Клюевым и Есениным — это только некий декор, дань моде, контрастирующие с подлинностью высокого народнопоэтического слова в их лирике.

Хорошо известно, что уничижительная оценка северянинской поэзии Волошина далеко не единственная. Однако не составит труда привести и совершенно противоположные суждения, принадлежащие к тому же авторитетнейшим литераторам Серебряного века — Гумилеву, Брюсову, Ф. Сологубу...

Нельзя не признать и того, что влияние Северянина на поэтов-современников было явлением более чем приметным, что также не осталось незамеченным как в мемуарной литературе, так и в публицистике тех лет. Нина Бер-

берова в книге «Курсив мой», рассуждая о лирике Б. Пастернака 30-х годов, увидела в ней характерную «смесь Рильке и Северянина», отмеченную «некоторой долей графомании» [Берберова, 1996, с. 211]. Критик и будущий профессор-филолог В. В. Гиппиус в рецензии на сборники стихов Н. Гумилева «Костер» и «Фарфоровый павильон» разглядел в новой манере поэтического письма Гумилева отблески «фокуснической ловкости» Северянина, утверждая, что «родство их несомненно»: «Гумилев — облагороженный Северянин, или Северянин — опошленный Гумилев: как угодно» [Гиппиус, 1994, с. 574].

Влияние Есенина на современную ему литературу, вылившееся, по меньшей мере, в рождение когорты поэтов «есенинского призыва», — факт очевидный и неоспоримый. И какие-либо примеры здесь просто излишни. Да и речь, собственно, не об этом. Здесь важно сказать, что в литературе начала XX века зародились два удивительных феномена, связанных с именами Игоря Северянина и Сергея Есенина и, если можно так выразиться, переросших границы словесного искусства, став едва ли не культурными артефактами, — *северянинщина* и *есенинщина*.

Оставим наше обыкновение давать «правильные» оценки этим явлениям, хотя бы потому, что они единичны и по-своему уникальны в нашей культуре. Тем удивительнее то, повторимся, что личному знакомству Северянина и Есенина не суждено было состояться.

2. Метаморфозы творческого самовыражения

Перебирая скупые отзывы Есенина о Северянине, запечатленные в письмах и свидетельствах современников, в качестве самого показательного примера, характеризующего отношение Есенина к «королю поэтов», наверное, следует привести отрывок из воспоминаний Вс. Рождественского, воспроизводящий события весны 1917 года: «Мы подошли к прилавку (книжного магазина Вольфа в Петрограде. — С. П.). У нас в глазах зарябило от множества цветных обложек.

— Нет, ты только послушай, как заливается этот индейский петух!

И, раскрыв пухлый том Бальмонта, громко и высокопарно, давась подступавшим смехом, Есенин прочитал нараспев и в нос какую-то необычайно звонкую и трескучую строфу, подчеркивая внутренние созвучия. И тут же схватился за лежавший рядом сборник Игоря Северянина.

— А этот еще хлестче! Парикмахер на свадьбе!» [Рождественский, 1986, с. 104].

В «западных» впечатлениях Есенина имя Северянина и вовсе обращается в терминологическое обозначение «пошлости жизни»: «Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая “северянинщина” жизни, что просто хочется послать это все к энтой матери» (из письма А. Мариенгофу от 9 июля 1922 г.) [Есенин, 1999, с. 141].

Что же касается северянинских оценок Есенина, то здесь начать нужно, конечно, с сонета «Есенин» как общеизвестного факта художественного осмысления «королем поэтов» творческой личности автора «Радуницы» и «Москвы кабацкой».

Но прежде — несколько слов о сборнике, в который вошло это стихотворение. Называется он «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах». Издан отдельной книгой в Белграде в 1934 году, хотя в основном произведения, входящие в сборник, как свидетельствует авторская помета, написаны в 1925—1927 годах. В них Северянин «представляет друзей, соратников, предшественников, а также недругов, противников, оппонентов, — прежде всего для того, чтобы подробнее и глубже разъяснить собственное творчество» [Северянин, 1996, т. 4, с. 576].

«Медальоны», как и все поздние сочинения Северянина, были, мягко говоря, холодно восприняты критикой. Так, Г. Адамович в своей рецензии на эту книгу сетовал: «Поэзии или хотя бы мастерства в ней не много. Правильнее всего отнести “Медальоны” к области курьезов» [Адамович, 2005, с. 561]. Разбирая содержание книги как воплощенный замысел Северянина, Г. Адамович не без иронии отмечал: «Автор “Медальонов” настроен то восторженно, то насмешливо. Восторги относятся большей частью к славным предкам и предшественникам. Насмешки к современникам. Лишь к немногим из них Игорь Северянин обращается с комплиментами» [Там же, с. 560].

Далее, иллюстрируя свой тезис о современниках, автор рецензии называет имена — Бунина, Куприна, Пантелеймона Романова, Цветаевой, З. Гиппиус, Андрея Белого, Пастернака, — присовокупляя к некоторым цитаты из сонетов. Есенина в этом перечне-реестре нет. Да и неудивительно, ибо сонет о нем упрямо не вписывается в эту, в общем-то, вполне адекватную содержанию сборника парадигму «восторженно / насмешливо».

ЕСЕНИН

Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом,
К уладам жизни солнышком влеком.

Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...
В кругу разбойников и проституток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...

И богу вновь раскрыл, раскаясь, сени
Неистойвой души своей Есенин,
Благочестивый русский хулиган... [Северянин, 1996, т. 4, с. 343]

Текст сонета датируется 1925 годом и написан, скорее всего, еще при жизни Есенина, иначе бы факт трагической гибели поэта, судя по логике лирического сюжета, непременно нашел свое отражение в содержании.

Северянин, создавая поэтический портрет Есенина, последовательно эксплицирует переломные моменты в судьбе его лирического героя, поразному манифестирующего себя в «Радунице», революционных поэмах, книге «Москва кабацкая». Создается впечатление, будто сам объект художественного изображения сообщает строгую беспристрастность слову Северянина, что и позволяет ему столь полно в 14 сонетных стихах запечатлеть значительный в своей противоречивости путь Есенина-поэта. К тому же практически все емкие и живые характеристики есенинского образа в сонете — это художественно отточенные парафразы стихотворных строк Есенина из программных произведений, относящихся к разным периодам его творчества.

Вместе с тем исподволь содержание текста рождает высокое (но не восторженное!) звучание образа Есенина, что со всей очевидностью предстает в трех финальных строках сонета. Этому способствует, на наш взгляд, тонкое переплетение в структуре и семантике текста евангельской притчи о блудном сыне с судьбой лирического героя Есенина. Не думаем, что это переплетение — осознанный прием Северянина: такое художественное решение поэтического портрета Есенина предопределено самим незавершенным сюжетом есенинской судьбы, воплощенной в его творчестве.

Последняя строка сонета — органичный сплав оксюморона и перифразы, — пуантируя вкупе с разномысленным многоточием, текст отнюдь не является заключительным штрихом в поэтическом портрете Есенина. Финальный образ — это акт исключительного по своей сути художественного обобщения, переводящего саму личность Есенина в разряд мифологических фигур национальной культуры. Заключительная строка, сохраняя прагматические и синтагматические связи с содержательной структурой сонета, вместе с тем существует как бы и вне её — как афористическое именование, рожденное целой литературной эпохой и прошедшее испытание временем. Этим, пожалуй, можно объяснить, к примеру, столь частую «эксплуатацию» строки «*Благочестивый русский хулиган*» в научной есениниане и, что более показательно, в учебно-методических изданиях, опосредованно транслирующих более широкой аудитории замещение имени мифологическим именованием в качестве оценочного канона. В какой-то мере схожий финал во всех ста «медальонах» сборника встречается только в сонете Игоря Северянина о себе самом.

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над вечно первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой, —
Иронизирующее дитя [Северянин, 1996, т. 4, с. 356].

Здесь так же, как и в именном сонете о Есенине, финальный образ содержит однострочную обобщающую характеристику поэтического портрета поэта. Однако по своей афористической изящности и мифологическим потенциям это образное завершение, думается, не идет ни в какое сравнение со строкой «*Благочестивый русский хулиган*».

Тем же 1925 годом датируется роман в стихах Игоря Северянина «Рояль Леандра», написанный «онегинской строфой», где двухстрочное упоминание о Есенине имеет совершенно иное звучание:

И, сопли утерев, Есенин
Уже созрел пасти стада [Северянин, 1996, т. 3, с. 303].

Травестированный образ Есенина органичен для второй главы северянинского романа, в которой «по кальке» пушкинского «Евгения Онегина» автор дает «культурно-критическую панораму» российской действительности начала XX века [Лауэр, 1996, с. 303—313]. В регистре ироничного, сбивающегося на сатиру повествования оказываются все без исключения имена, упомянутые в этой главе: Мережковский, Блок, Кузмин, Бердяев, Розанов, Врубель... — и сам Северянин. Романские оценки каждого из них, включая Есенина, предопределены художественным замыслом автора — дать критическое изображение эпохи, в которой живет и творит автор. С учетом такого замысла, строго ориентированного на роман «Евгений Онегин», и стоит воспринимать поэтические характеристики именного ряда в «Рояле Леандра». К тому же сам факт включения Есенина в этот ряд свидетельствует, как и в сонете, о том значительном месте в русской литературе, которое отводил Есенину Северянин.

И, кажется, логическим завершением в этой перспективе должен стать фрагмент из воспоминаний одного из известных мемуаристов Игоря Северянина Юрия Шумакова: «С неподдельным восторгом говорил Северянин о Есенине. Он знал наизусть “Анну Снегину” и многие его стихотворения, особенно позднейших лет.

“Недаром, — утверждал Игорь Северянин, — имя у него Есенин. Есенин — весенний гений — так хорошо рифмуется. В нем есть, действительно, что-то гениально-весеннее. Сергей гордость русского народа. Его стих — живой родник. Нет у Есенина притянутых за волосы строк! И как все искренне! Искренность чувствуется у него во всем, даже в ритмах, таких сердечных и простых. Кажется, в них пульсирует сама жизнь, сама русская стихия. Да, его стихи рождены русской стихией”.

Смерть Есенина просто потрясла Игоря Северянина.

Помню. Игорь Васильевич читал мне стихи “На смерть Есенина”, они начинались строкой: “Как свежий ветер, дорог ты России...”. Опубликованными я их не видел» [Шумаков, 2009, с. 264—265].

Однако такое завершение, если воспользоваться музыкальной терминологией, стоит считать ложным финалом. И делает его таковым сам Северянин, который в письме от 12 июня 1931 года своей близкой знакомой Софии Карузо, говоря о собственных литературных пристрастиях, напишет: «Есенина лично не знал. Творчество его нахожу слабым, беспомощным. Одаренье было. Терпеть не могу Есенина, никогда книг в рук не беру после неоднократных попыток вчитаться. Он несомненно раздут (курсив наш. — С. П.). Убийственны вкусы публики! Да и в моих книгах выискивалось всегда самое неудачное. Все “тонкости” проходили — и проходят — незамеченными. Нравится ли Вам Гумилев, Гиппиус, Бунин, Брюсов, Сологуб — как поэты? Это мои любимейшие» [Северянин, 1996, т. 5, с. 253—254].

Первый вопрос, который здесь возникает: как соотносить это эпистолярное признание Северянина с воспоминаниями Ю. Шумакова, а также с содержанием сонета «Есенин»? Попробуем разобраться. И для полноты нашего сюжета сначала приведем комментарий к этому фрагменту письма Д. С. Прокофьева, составителя уникального издания «Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905—1941)». Он пишет: «Представляется вероятным, что творческая неприязнь Северянина к Есенину в немалой степени вызвана поэтической похожестью части есенинских образов с некоторыми образами ранних северянинских “поэз”». На это, в частности, убедительно указывает А. Крученых в статье “Второе пришествие Северянина, или зубами в рот” (1926)» [Прокофьев, 2007, с. 90].

Согласимся, что этот комментарий оставляет больше вопросов, нежели чем похож на более или менее вразумительный по своей аргументации довод. Не говоря уже о том, что у Крученых убедительным является только одно — патологическая ненависть к Есенину.

Если полностью довериться слову Ю. Шумакова, то можно предположить, что произошла банальная переоценка личности Сергея Есенина Игорем Северяниным. В качестве одной из главных причин этой возможной переоценки следует назвать влияние окружения Северянина, по разным причинам враждебно настроенного против Есенина. В процитированном выше письме одним из своих любимейших поэтов Северянин назвал И. А. Бунина, что подтверждается и восторженным тоном именного сонета в «Медальонах». Искренняя симпатия к нему чувствуется и в публицистическом очерке Северянина «Моя первая встреча с Буниным». Быть может, известное антиесенинское выступление Бунина в статье «Самородки» (опубликована в эмигрантской газете «Возрождение» от 11 августа 1927 года) стало для автора «Медальонов» неким достоверным документом, обнажающим истинную суть Есенина как поэта. Правда, здесь смущают две взаимосвязанных друг с другом позиции.

Во-первых, весьма затруднительно представить Северянина, столь твердо и в жизни, и в поэзии отстаивающего свою творческую неприкосновенность, свое право на творческое «эго», резко переменить свое отношение под чьим-то влиянием — положительное ли, отрицательное ли — к тому или иному деятелю русской культуры.

Во-вторых, если такого рода переоценка у Северянина имела место, то «пострадать» от неё наверняка должен не только один Есенин. Однако «любимейшие поэты» в письме к Софии Карузо являются «любимейшими» и в «Медальонах». И, наоборот, сатирически шаржированный образ Андрея Белого в именном сонете «Медальонов» (*«Безумствующий умник ли он или // Глупец, что даже умничать не в силе...»*) позднее предстанет в переписке Северянина в том же оценочном «коридоре», что и Есенин: *«...терпеть его не могу»* [Игорь Северянин, 2005, с. 235].

Вернемся к мемуарному свидетельству Ю. Шумакова. Здесь нас смущают три момента, ставящие под сомнение достоверность пересказанного мемуаристом северянинского отзыва о Есенине.

Во-первых, это — возраст. Воспоминания Шумакова, как это следует из логики его повествования, воспроизводят события, относящиеся к 1925—1926 гг., когда автору было 11—12 лет. Детально запомнить не только сказанное о Есенине Северяниным, но и интонацию этих слов в таком возрасте, согласимся, достаточно проблематично. К тому же как-то с трудом верится, что Северянин, пораженный своим снобизмом современников, о чем, в частности, писали И. Одоевцева и Г. Иванов, столь доверителен в общении с обычным подростком, который в силу возраста просто не способен понять многих специфических нюансов из жизни человека искусства.

Во-вторых, интересующие нас сведения Ю. Шумакова не подтверждаются современниками Северянина, что неправдоподобно делает из Ю. Шумакова, бывшего всего лишь мальчиком-иконодержцем на венчании Игоря Северянина с Фелиссой Круут в тартуском православном Успенском соборе 12 декабря 1921 года, единоличного хранителя сокровенных тайн «короля поэтов».

И, наконец, в-третьих. Воспоминания Ю. Шумакова впервые были опубликованы в третьем номере журнала «Звезда» за 1965 год. Спустя четверть века очерк того же автора под названием «Игорь Северянин в Эстонии» появится в книге «Северянин И. Стихотворения и поэмы, 1918–1941» (Москва: Современник, 1990). По большому счету, это уменьшенная, слегка переработанная копия публикации из «Звезды». Причем уменьшение произошло в том числе и за счет «есенинского фрагмента», что в принципе можно объяснить оговоренным объемом публикации. Но вот еще одна операция над ранним текстом под это объяснение никак не подходит. Сравним два фрагмента.

«Из воспоминаний о ИГОРЕ СЕВЕРЯНИНЕ»: «Игорь Северянин был не только замечательным декламатором, но и редкостным рассказчиком. <...> Начинал он как бы нехотя. Но затем постепенно воодушевлялся, и перед нами возни-

кали лица тех, кого любил поэт. *Я видел прекрасные черты Александра Блока. Появлялся Федор Соллогуб. А вот Вячеслав Иванов читает свой “Венок сонетов”, “шаманит” Константин Бальмонт, раздаётся рык Владимира Маяковского, звучит напевный голос Сергея Есенина* (курсив наш. — С. П.)» [Шумаков, 2009, с. 260].

«ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН В ЭСТОНИИ»: «Из уст Игоря Северянина мне довелось слышать рассказы о его встречах с выдающимися деятелями культуры. Начинал он как бы нехотя, но затем постепенно воодушевлялся. *Я словно бы видел прекрасные черты Александра Блока. Возникал Федор Соллогуб, чем-то напоминавший Тютчева. Читал свои стихи Вячеслав Иванов, шаманил Константин Бальмонт, раздавался рык Владимира Маяковского* (курсив наш. — С. П.)» [Шумаков, 1990].

В поздней публикации Ю. Шумаков, попросту говоря, избавляет Северянина от Есенина, оставляя между тем другие имена в строгой неприкосновенности. На аберрацию памяти такую метаморфозу списать практически невозможно. Получается, это сознательное решение автора, которому при подготовке к печати первой публикации воспоминаний о Северянине Есенин был необходим, а при подготовке второй — нет. Как известно, в конце 50-х годов прошлого века было снято идеологическое табу с имени Есенина. Появляются первые крупные научные исследования о поэте, многотысячными тиражами издаются его книги, которые моментально раскупаются. Интерес к Есенину в эту пору беспрецедентен. Думается, что Ю. Шумаков, готовя публикацию своих мемуаров о Северянине в 1965 году, сознательно включил в них «есенинский фрагмент», которого на самом деле у автора «Медальонов» не было.

Шумаков «подправляет» биографию Северянина для того, чтобы практически забытый поэт в Советской республике на волне и за счет «есенинского бума» вернулся к читателю. В начале 90-х годов, когда были переизданы произведения Северянина и биографические материалы о нем, а также частично была опубликована его переписка, где обнаружилось «неудобное» в известном смысле высказывание Северянина о Есенине, Шумаков расчетливо изъясил из воспоминаний «есенинские фрагменты».

По большому счету, эти фрагменты представляют собой очевидный парафраз как публицистических отзывов о «разрешенном Есенине», появившихся в конце 50-х годов, так и воспоминаний о нем, опубликованных сразу после смерти поэта. В этом несложно убедиться, даже просто сопоставив, например, процитированный выше текст Ю. Шумакова с некоторыми тезисами К. Л. Зелинского из его критико-биографического очерка о Есенине, предварившего три собрания сочинений поэта, а также со ставшими хрестоматийными суждениями о Есенине М. Горького.

СЕВЕРЯНИН О ЕСЕНИНЕ В РАННЕЙ ВЕРСИИ Ю. ШУМАКОВА: «“Есенин — весенний гений — так хорошо рифмуется. В нем есть, действительно, что-то гениально-весеннее. Сергей гордость русского народа. Его стих — живой родник.

Нет у Есенина притянутых за волосы строк! И как все искренне! Искренность чувствуется у него во всем, даже в ритмах, таких сердечных и простых. Кажется, в них пульсирует сама жизнь, сама русская стихия. Да, его стихи рождены русской стихией»).

К. Л. Зелинский: «И неизвестно еще, чем более поражает Есенин: богатством ли своего поэтического языка, своей *все проникающей человечностью* или необыкновенной искренностью. <...> *Россия поистине дышит в лирике Есенина. Он слит со страной. И вся судьба России в его стихах.* И та же грусть, и то же раздолье (курсив наш. — С. П.)» [Зелинский, 1966, с. 58].

М. Горький: «Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело *и с такой искренней любовью* пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье, — молвил Есенин задумчиво и тихо... <...> и начал читать “Песнь о собаке”. И когда произнес последние строки:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег —
на его глазах тоже сверкнули слезы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, *сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой “печали полей”, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком.* И еще более ощутима стала ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало *своеобразно талантливого и законченно русского поэта* (курсив наш. — С. П.)» [Горький, 1986, с. 9].

Согласимся, что образ «весенний гений» — вполне в духе Игоря Северянина. Однако у этого символического созвучия «Есенин — весенний», если можно так выразиться, давняя история. Так Сергей Городецкий на сборнике своих стихов «Четырнадцатый год», который он подарил Есенину в марте 1915 года, написал: «Весеннему братику Сергею Есенину с любовью и верой лютой» [Летопись..., 2003, с. 209].

В мемуарной записи приятеля поэта М. Бабенчикова, впервые опубликованной в 1926 году, встречается такой эпизод: «Вспоминая со мной о своем деревенском прошлом, молодой Есенин радостно и весело раскрывал себя. И самые слова, произносимые им по этому поводу, были тоже какими-то особенными, солнечными, лучезарными, не похожими на обычные будничные слова. А голос чистым и звонким.

— Весенний! Есенин! — невольно как-то вырвалось у меня при взгляде на его сияющее улыбочивое лицо.

И он тотчас же на лету подхватил мою шутку.

— Весенний! Есенин! Ловко ты это придумал, хотя и не сам, сознайся, а Лев Толстой. Есть у него в “Воине и мире” что-то вроде» [Бабенчиков, 1986, с. 239].

Убеждены, что со временем будут найдены и более веские доказательства, свидетельствующие о том, что в воспоминаниях Шумакова о Северяnine многие суждения поэта — плод фантазии самого мемуариста.

Вместе с тем основное для нас так и осталось пока невыясненным: почему содержание сонета «Есенин» полностью противоречит эпистолярному суждению Северянина о Есенине поэте? В чем причина такой метаморфозы? Предлагая свою версию решения этих вопросов, для начала еще раз посмотрим на персоналии «Медальонов», включая позднее добавление к ним, состоящее из 14 сонетов. Невольно обращает на себя внимание то, что, кроме Есенина, в «Медальонах» нет ни одного представителя «крестьянской купнищы», да и сам Есенин в именном сонете Северянина словно бы нарочито представлен вне этого направления в русской литературе начала XX века. А оно в предреволюционные годы уже громко заявило о себе, и фигуры Клюева, Клычкова, Пимена Карпова заняли достойные места на литературном Олимпе Серебряного века. Из всех этих перечисленных имен Клюев у Северянина имел все основания быть удостоенным сонета. В главке «Слава» поэмы «Соловей» (1923) читаем:

Мильоны женских поцелуев —

Ничто пред почестью богам:

И целовал мне руки Клюев,

И падал Фофанов к ногам (курсив наш. — С. П.)

[Северянин, 1996, т. 3, с. 152].

Кажется, этот факт из творческой биографии Северянина — и не важно, было все так на самом деле или нет — вполне мог бы стать удачным сюжетным решением именного сонета о Николае Клюеве. Именно в таком ключе происходит эмоционально-содержательное решение сонета о Зинаиде Гиппиус, которой посвящена в поэме «Соловей» отдельная именная главка. А Клюеву Северянин отказал.

Кажется, что особой загадки здесь и нет. Новаторские эстетические принципы словесного творчества Игоря Северянина, сквозь призму которых он определяет и пути развития русской поэзии в формирующемся социокультурном пространстве, и жизнеспособность в этом пространстве существующих школ и направлений, четко выявили у него круг приоритетных художественных явлений и поэтических имен. Новокрестьянская литература и ее представители, опирающиеся в своем творчестве на народнопоэтическую традицию, в этот круг не вошли, поскольку Северянин испытывал, по сути, стойкую неприязнь к такой поэзии. В качестве доказательства приведем фрагмент еще одного письма Северянина. В 1909 году, устраивая судьбу крестьянского поэта Павла Кокорина и обращаясь в связи с этим к своему учителю К. М. Фофанову, Северянин в письме к последнему напишет: «Он велик, этот Кокорин, но Вы понимаете, чуткий мой!.. Я терпеть не могу ничего специфически русского в поэзии, но справедливость заставляет меня сознаться, что он очень талантлив, очень (кур-

сив наш. — С. П.» [Игорь Северянин, 2005, с. 54]. И этой точке зрения на «специфически русское в поэзии» Северянина со временем не изменил.

3. Выводы

Убеждены, что ничего шокирующего у Северянина в его эпистолярной оценке есенинской поэзии нет. Здесь важно понимать, что за категорическим «терпеть не могу Есенина» у Северянина стоит неприятие сугубо эстетического свойства. Иначе говоря, Игорь-Северянин не принимает принципов и форм художественного самовыражения Есенина-поэта, как он не принимает, к примеру, Андрея Белого с его лирико-философскими эскападами, пропитанными эзотерическими идеями Штейнера. К тому же в письме Северянина к С. Карузо содержатся размышления, которые, с одной стороны, микшируют категорическую резкость оценки есенинского творчества, а с другой, неожиданно обнаруживают общность поэтических судеб Северянина и Есенина в глазах читательской публики: «Убийственны вкусы публики! Да и в моих книгах высккивалось всегда самое неудачное. Все “тонкости” проходили — и проходят — незамеченными».

В сонете, как мы пытались сказать выше, Северянин освобождается от своих личных пристрастий, по большому счету, не изображая поэтического портрета Есенина, а являя в эстетически совершенной форме уже существующий как данность русской культуры высокий есенинский миф. Выйти за пределы своих симпатий и антипатий заставляет Северянина отнюдь не личность Есенина и его творчество в их прагматичном историко-литературном значении, а уважение, быть может, и вынужденное, к той эпической мощи, с которой отозвалась в народе есенинская поэзия, обретая с каждым витком истории новые смысловые оттенки. Показательно иллюстрирует этот тезис следующий факт. Согласно разысканиям Д. Прокофьева, одно из поздних стихотворений Северянина «Без нас» («От гордого чувства чуть странного...», 1936) первоначально имело эпиграф из стихотворения С. А. Есенина «Гой ты, Русь моя родная...», 1914: «Если крикнет рать святая: // “Кинь ты Русь, живи в раю!” // Я скажу: “Не надо рая, // Дайте родину мою»» [Прокофьев, 2007, с. 90]. Для Северянина, «эмигранта поневоле», две последние есенинские строки, на наш взгляд, являлись проникновенным выражением той невыносимой тоски по Родине поэта, что лишь отчасти воплотилась в стихотворении «Без нас». Эти строки получают не свойственный им изначально смысл, в определенной мере теряя свое авторство, становясь, образно говоря, предсмертным ностальгическим вздохом русской эмиграции.

В этом отношении заслуживает внимания тот факт, что календарь событий в «Заметках о Маяковском» (1941) Игоря-Северянина включает в себя и такую любопытную дату: «Это было в ту осень, когда Есенин с Айседорой только что уехали перед нашим приездом в Америку» [Северянин, 1996, т. 3, с. 165].

«Не встреча» Северянина с Есениным очевидно воспринимается в данном случае как событие значительное и — с учетом перипетий заочных взаимо-

отношений поэтов — *символическое*. Остается добавить, что при публикации стихотворения «Без нас» есенинский эпиграф был снят. И это нам представляется примечательной иллюстрацией творческих связей поэтов-современников — Сергея Есенина и Игоря-Северянина.

Литература

1. *Адамович Г.* Литературные заметки / Г. Адамович. — В книге: Игорь Северянин. Царственный пацц : автобиографические материалы, письма, критика / сост.: В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — С. 560—561.
2. *Бабенчиков М. В.* Сергей Есенин / М. В. Бабенчиков // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 томах. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 1. — С. 236—250.
3. *Берберова Н. Н.* Курсив мой / Н. Н. Берберова. — Москва : Согласие, 1996. — 736 с.
4. *Волошин М.* Собрание сочинений / М. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2008. — Т. 6. — Кн. 2. — 1088 с.
5. *Гиппиус В. В.* Пряники («Костер» и «Фарфоровый павильон» Н. Гумилева. Петроград, 1918) / В. В. Гиппиус // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — С. 573—577.
6. *Горький М.* Сергей Есенин / М. Горький // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 томах. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 2. — С. 5—11.
7. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 томах / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999. — Т. 6. — 816 с.
8. *Зелинский К. Л.* Сергей Александрович Есенин (критико-биографический очерк) / К. Л. Зелинский // Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 томах. — Москва : Художественная литература, 1966. — Т. 1. — С. 7—60.
9. *Игорь Северянин.* Царственный пацц : автобиографические материалы, письма, критика / сост.: В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — 640 с.
10. *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с.
11. *Лауэр Р.* «Евгений Онегин» в манере Игоря Северянина / Р. Лауэр // Концепция и смысл. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. — С. 303—313.
12. *Летопись — Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003—. — Т. 1: 1895—1916. — 2003. — 736 с.
13. *Прокофьев Д. С.* Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905—1941) : био-библиографическое издание : в 2 томах / Д. С. Прокофьев. — Псков : Гимней, 2007. — Т. 1 : Словарь. — 256 с.
14. *Рождественский Вс.* Сергей Есенин / Вс. Рождественский // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 томах. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 2. — С. 97—126.
15. *Северянин И.* Сочинения : в 5 томах / И. Северянин. — Санкт-Петербург : Логос, 1996. — Т. 1—5.
16. *Шумаков Ю.* Игорь Северянин в Эстонии [Электронный ресурс] / Ю. Шумаков. — В книге : Северянин И. Стихотворения и поэмы, 1918—1941. — Москва : Современник, 1990. — С. 430—439. — Режим доступа : <http://www.poet-severyanin.ru/library/venok-poetu-igor-severyanin34.html>.

17. *Шумаков Ю.* Из воспоминаний о Игоре Северяnine / Ю. Шумаков. — В книге : Игорь Северянин глазами современников. — Санкт-Петербург : Полиграф, 2009. — С. 264—265.

Sergei Yesenin in Artistic Consciousness of Igor-Severyanin*

© **Pyatkin Sergei Nikolayevich (2015)**, Doctor of Philology, professor, director, Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevski (Arzamas, Russia), nikolas_pyat@mail.ru.

The article presents the first experience of studying literary and creative relations of two iconic poets of the Silver age of Russian culture — Igor-Severyanin and Sergei Yesenin. Special emphasis is placed on the analysis of different assessments in the poetry and letters of Igor-Severyanin and also in the memoirs of contemporaries. These assessments characterize the contradictory attitude of “the king of poets” to Yesenin and his works. In the analysis of “Yesenin” sonnet from the book “Medallions” Severyanin’s perception of Yesenin as a mythological figure, by his fate of the poet binding the Evangelical tradition and modernity, is underlined. Special attention is paid in the article to Severyanin’s critical judgment about Yesenin, made in a private letter, and to its possible memoir context. There are also doubts about the veracity of the facts noted in memoir text by Yu. Shumakov, in which the appreciation of Yesenin’s poetry is found, supposedly belonging to Igor-Severyanin. It is argued that the contradictory attitude of “the king of poets” to Yesenin is linked with a sceptical attitude of the author of “Medallions” to the aesthetic tradition of folk poetry in the national literature, which, however, does not preclude Severyanin’s assessment of Yesenin as the outstanding figure of Russian literature.

Key words: Igor-Severyanin; Yesenin; Shumakov; sonnet; memoirs; epistolary block; artistic biography; assessment; myth.

References

- Adamovich, G. 2005. Literaturnyye zametki. In: Terekhina, V. N., Shubnikova-Guseva, N. I. (eds.). *Igor Severyanin. Tsarstvennyy payats*. — Sankt-Peterburg: Rostok. 560—561. (In Russ.).
- Babenchikov, M. V. 1986. Sergey Esenin. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1: 236—250. (In Russ.).
- Berberova, N. N. 1996. *Kursiv moy*. Moskva: Soglasie. 736. (In Russ.).
- Esenin, S. A. 1999. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 tomakh*. Moskva: Nauka; Golos, 6: 816. (In Russ.).
- Gippius, V. V. 1994. Pryaniki («Koster» i «Farforovyy pavilyon» N. Gumileva. Petrograd, 1918). In: *Nikolay Gumilev. Issledovaniya i materialy. Bibliografiya*. — Sankt-Peterburg: Nauka. 573—577. (In Russ.).
- Gorkiy, M. 1986. Sergey Esenin. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 2: 5—11. (In Russ.).
- Klyuev, N. A. 2003. *Slovesnoye drevo. Proza*. Sankt-Peterburg: Rostok. 688. (In Russ.).
- Lauer, R. 1996. «Evgeniy Onegin» v manere Igorya Severyanina. In: *Kontseptsiya i smysl*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 303—313. (In Russ.).
- Letopis’ 2003. — *Letopis’ zhizni i tvorchestva S. A. Esenina*. Moskva: IMLI RAN. 1: 1895—1916. 736. (In Russ.).
- Prokofyev, D. S. 2007. *Slovar’ literaturnogo okruzeniya Igorya-Severyanina (1905—1941). Bibliograficheskoye izdaniye: v 2 tomakh. 1: Slovar’*. Pskov: Gimenez. 256. (In Russ.).

* Spelling of the name preferred by the poet is used.

- Rozhdestvenskiy, Vs. 1986. Sergey Esenin. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov*: v 2 tomakh. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 2: 97—126. (In Russ.).
- Severyanin, I. 1996. *Sochineniya*. Sankt-Peterburg: Logos. 1—5. (In Russ.).
- Shumakov, Yu. 1990. Igor Severyanin v Estonii. In: Severyanin, I. *Stikhotvoreniya i poemy, 1918—1941*. Moskva: Sovremennik. 430—439. Available at: <http://www.poet-severyanin.ru/library/venok-poetu-igor-severyanin34.html>. (In Russ.).
- Shumakov, Yu. 2009. Iz vospominaniy o Igore Severyanine. In: *Igor Severyanin glazami sovremennikov*. Sankt-Peterburg: Poligraf. 264—265. (In Russ.).
- Terekhina, V. N., Shubnikova-Guseva, N. I. (eds.). 2005. *Igor Severyanin. Tsarstvennyy payats*. Sankt-Peterburg: Rostok. 640.
- Voloshin, M. 2008. *Sobraniye sochineniy*. Moskva: Ellis Lak. 6(2): 1088. (In Russ.).
- Zelinskiy, K. L. 1966. Sergey Aleksandrovich Esenin (kritiko-biograficheskiy ocherk). In: Esenin, S. A. *Sobraniye sochineniy*: v 5 tomakh. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1: 7—60. (In Russ.).